

Интервью официального представителя СК России Владимира Маркина в программе "Разбор полетов" на радио "Эхо Москвы"

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: 21:07 в столице. Здравствуйте. Это радиостанция «Эхо Москвы», программа «Разбор полёта». Программа о людях, которые принимают решения и о том, как они эти решения принимают. Татьяна Фельгенауэр и Ирина Воробьева для вас эту программу ведут. Добрый вечер.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Да, добрый вечер. Я с большим удовольствием представляю сегодняшнего гостя. В программе «Разбор полета» мы обычно в новостях это произносим, сейчас с трепетом, официальный представитель Следственного комитета России Владимир Маркин. Владимир Иванович, здравствуйте. Добрый вечер.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Здравствуйте.

Владимир МАРКИН: Добрый вечер.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Спасибо, что пришли и собственно, традиционно начинаем нашу программу с вопроса, который мы задаем всем нашим гостям, и вам тоже. Это вопрос о том, какое самое сложное, самое тяжелое решение вам приходилось принимать в своей жизни, чтобы это решение не только вас лично касалось, но и людей, которые вокруг вас, или людей, от которых зависело это решение.

Владимир МАРКИН: Вы знаете, все-таки, наверное, любое решение, которое принимает человек в своей жизни, и если он даже думает, что от этого решения зависит только его личная судьба, скорее всего, и во многих случаях, это не так. Потому что от принятия решения все-таки зависят судьбы как минимум, еще нескольких человек. И причем очень часто эти решения бывают ключевыми в жизни. Вы помните, там книга Экклезиаста была написана о том, что не быстрые успешны в беге, и не сильные в битве. Просто речь идет о том, чтобы быть в то время и сейчас. Знаете, я не случайно вспомнил это, потому что у меня было такое решение, которое я принимал на заре своей юности, когда в 80-м году мне пришлось уйти из одного престижного ВУЗа, под названием МГИМО. И это решение принималось достаточно сложно, потому что это была моя действительно юношеская мечта, но когда я столкнулась перед выбором или сохранить мечту и стать дипломатом, или сохранить свободу. Личную свободу.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Это как?

Владимир МАРКИН: Личную свободу.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Можно поподробнее. Вы меняя интригуете.

Владимир МАРКИН: Не хотел в подробности вдаваться, но речь шла о личной жизни, тогда, вы помните, не помните, вы еще очень молоды, 80-й год, это, как говорят у нас сегодня, это самый такой расцвет застоя, если можно так разиться.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Расцвет застоя.

Владимир МАРКИН: И вот те условия, в которых, я не знаю как в других ВУЗах в то время,

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

потом узнал, что есть, оказывается, и другие условия. Во всяком случае МГИМО, где я учился на подготовительном факультете, были достаточно сложные условия для личной жизни. Все приходилось соизмерять. И когда настал такой период, был такой выбор, остаться в институте и продолжать свою карьеру, но при определенных обстоятельствах. Так называемое обременение.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть, подождите, вы хотели что, жениться на неподходящей девушке или что?

Владимир МАРКИН: Скажем так.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Ага, и вы выбрали девушку?

Владимир МАРКИН: Я выбрал наоборот, я выбрал свободу.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Подождите, вы должны были жениться.

Владимир МАРКИН: Но не женился.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Как интересно.

Владимир МАРКИН: Да. И потом, когда принималось решение о том, уходить, не уходить, вот мы говорим о том, что это решение, которое принималось, оно зависело от этого решения зависела моя судьба, естественно, моя судьба. Потом, в дальнейшем, я не случайно вспомнил Экклезиаста, в дальнейшем, как оказалось, все-таки это было не мое время, и это было не то место. Это в дальнейшем показало. Причем для многих выясняется, что это было твое или не твое место, у кого-то через месяц, у кого-то через год, у кого-то через десятилетия, я это понял уже учась уже в МГУ с сентября, когда начал учиться на журфаке МГУ, я понял, что вот здесь мое место.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Тогда, когда вы еще не знали где ваше место, и когда ваше время, что было на весах? Что было за и что было против? Что стало решающим аргументом, когда перед вами, с одной стороны, ваша мечта, а с другой стороны, ваша свобода? Как сделать тут выбор,

как принять решение?

Владимир МАРКИН: А это, знаете, наверное, подспутное решение. Потому что я и сейчас до сих пор придерживаюсь такого мнения. Для того, чтобы ты что-то в этой жизни смог полезного сделать, в частности, там на своей работе, на своей службе, тебе должно быть самому комфортно в душе. Если вот этого комфорта нет, то насильно, там можно сделать карьеру, но быть счастливым от такой карьеры невозможно.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Владимир Иванович, вам комфортно на вашей должности сейчас?

Владимир МАРКИН: Ну в данной ситуации да. Во всяком случае, я уже, сколько получается, с 2007-го года уже. 6 лет пока ощущаю себя комфортно. Никаких проблем. Хотя, еще раз повторяю, комфортно, не значит легко.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Комфортно, в смысле в ладу с самим собой?

Владимир МАРКИН: В ладу с самим собой, да. В ладу с теми, с кем работаю вместе. И даже иногда с оппонентами, с конструктивными оппонентами.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Хорошо. Давайте тогда вернемся, что называется назад. Вот вы учитесь в МГУ, после окончания ВУЗа вы уезжаете обратно в Челябинск.

Владимир МАРКИН: Да.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Зачем?

Владимир МАРКИН: Опять же определенный вызов самому себе. Я очень часто бросал вызовы, прежде всего, самому себе, для того, чтобы бросить вызов кому-то, нужно иногда делать это самому себе. Но мне показалось, что там в Челябинске во-первых, я действительно. Во-первых, у меня там были родители, мне хотелось как-то их поддержать. Поработал там определенное количество времени. но вы понимаете, все-таки проведя в Москве уже 6 лет, вместе с тем же временем, которое я провел еще в МГИМО, я понимал, что действительно не хватает масштаба, прежде всего масштаба информации. Это и до сих пор ощущается, когда

приезжаешь в город, даже уже в крупный город.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть вы оказались оторванным от событий и от новостей?

Владимир МАРКИН: Ну информация, ну не в буквальном даже смысле, как информации, как новость. А масштаб информации как таковой. Все-таки провинциальный масштаб информации он остается таким. Это сегодня, когда интернет окутал паутиной не то что всю страну, но и весь мир. Сегодня можно находиться в любой точке мира, тем более уж в Российской Федерации и не быть оторванным до такой степени.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Тогда понятно, такого не было.

Владимир МАРКИН: Тогда не было такого.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть. Если возвращаться к вашему решению, то в Москву вы решили ехать за мечтой, потому что вы хотели быть дипломатом, а в Челябинск вы возвращались скорее, как это решение было чувство долга, что вам нужно помочь как-то родителям, или что? Или вы просто соскучились по дому?

Владимир МАРКИН: В том числе, но и хотел себя испытать. Вот в провинциальной газете, как это. Но оказалось, что это не так интересно как казалось.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть вы этот вызов самому себе не то чтобы.

Владимир МАРКИН: Я сделал вызов, но не то, что я его не выдержал, наоборот, я посмотрел что это не мое. И возвратился, опять же возвращаясь, опять нужно было принимать решение.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Ну да. Меньше года прожили.

Владимир МАРКИН: Оставляешь всегда родителей, которые уже надеялись, что вот буду какой-то опорой. Хотя у меня на тот момент и старший брат был и старшая сестра, который сегодня, к сожалению, нет, нет никого, ни мамы, ни папы, ни старшего брата, ни старшей сестры. В этом смысле у меня есть только любимая семья в Москве, дочка и внучка. Очень

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

любимые. А вот в Челябинске, в Челябинске у меня кроме дальних родственников больше никого не осталось.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Вы говорите, что вернуться обратно в Москву, уже второй раз поехать в Москву, это тоже было решение. Вы уезжали уже туда навсегда? Вернее сюда, получается?

Владимир МАРКИН: Никогда не говори никогда.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: И всегда говори навсегда.

Владимир МАРКИН: Да, поэтому, естественно, уезжал не для того, чтобы еще раз там. естественно, я ехал в Москву вообще не зная что будет, не зная что меня ждет. Абсолютно. Вот я собрал вещи, поскольку их там было минимум, собрал и первое время жил у друзей, товарищей, пока не поступил на работу, на Всесоюзное радио.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Так раз, и на Всесоюзное радио.

Владимир МАРКИН: А что, я до этого я сотрудничал как внештатный корреспондент с программой с радиостанцией Юность. А потом так получилось, что на тот момент освободилось место в редакции пропаганды, где была такая программа «Время. События. Люди». Я был в начале корреспондентом этой программы, а потом был ведущим. Вот так, как мы сейчас с вами сидим, я вел программу в прямом эфире. Начинали мы тогда, вначале была запись, а потом где-то с 86-го, 87-го года начались прямые эфиры вообще в Советском Союзе и мы были такими пионерами в этом смысле. Так что для меня это не первый прямой эфир.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Да уж, даже в вашей нынешней работе понятно, что для вас это не первый эфир. А вообще, журналистика, как появилась в вашей жизни? Потому что вот мечта стать дипломатом, вот мне логично было бы. Если бы мне сказали, что у тебя нет возможности быть дипломатом, я бы наверное для себя решила, что ну может быть я пойду на переводчика, например. Потому что это довольно близко, а почему вы решили, что журналистика?

Владимир МАРКИН: Когда я уходил из МГИМО мне преподаватель немецкого языка, который я на тот момент достаточно хорошо знал, успел, и она мне сказала, что ни в коем

случае не бросайте язык, во всяком случае немецкий. Ну так получилось, я вам скажу честно, откровенно, со мной еще уходил мой земляк из Челябинской области, который просто не сдал выпускные экзамены и по этим причинам вынужден был искать какое-то новое применение своим знаниям. И когда выбирали между факультетами, он сразу выбрал факультет журналистики, а я еще сомневался. Я хотел на юрфак поступить, честно говорю. Мы с ним приехали в центр на Моховую, так красиво все, а из нашего окна площадь Красная видна. Я подумал, а что там Ленгоры ездить, здесь так хорошо. И поскольку у меня до этого были публикации, на тот момент я тоже, там хватило двух или трех публикаций. Прошел творческий конкурс, сочинения писал всегда хорошо и в школе, причем писал. И самое интересное, это был 80-й год, это был такой очень такой знаменательный год, в этот год Олимпиада, если помните. В этот год.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Меня еще на свете не было, в принципе.

Владимир МАРКИН: В Афганистан вошли наши, умер Владимир Семенович Высоцкий, и такой очень запоминающийся был високосный год, как сейчас помню. И когда мы сдавали экзамены в журфак, я честно говоря, с такой легкостью сдал, то ли сказалась подготовка МГИМОшная, но сдали просто с такой легкостью, я даже не ожидал. Все пятерки и даже после того, как сдал последний экзамен, спросил у будущего начальника нашего факультета, можно ли ехать домой до того, как я увижу себя в списке, он говорит, езжай, даже не волнуйся. Я уехал и только приехал уже в Москву, и смотрю списки, списки студентов поступивших на 1 курс, нуждающихся в общежитии. И я читаю, а меня там нет. Помните такой анекдот. Так с парашютом обманули. Посмотрим как с рестораном. Потом расскажу. Думаю, ничего себе, как так? и я уже отчаялся, хотел пойти в приемную комиссию. Оказалось, что я в списке не нуждающихся в общежитии, потому что у меня в паспорте была прописка до конца года.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть если вернуться опять же, извините, что я все время про решения, у нас такая просто программа. К развилке, какое образование получать и по какому пути дальше идти, юриспруденция или журналистика, то эту развилку определил вид из окна.

Ирина ВОРОБЬЕВА: География.

Владимир МАРКИН: Ну считайте, что так. Красиво.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Да, мне понравился вид из окна, поэтому я решил стать журналистом.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Хорошо. Вот Всесоюзное радио, затем еще СМИ, еще телевидение и потом вы оттуда уходите. Почему?

Владимир МАРКИН: Из телевидения? Это все еще даже банальней, чем вы думаете. На телевидении когда я работал, у меня была программа, был автором, ведущим, продюсером, это было где-то начало 91 по, может быть 95-й год, была программа в начале «Карьера», потом она немножко трансформировалась в ток-шоу «Карьера».

Ирина ВОРОБЬЕВА: Это на НТВ?

Владимир МАРКИН: Нет, это было на РТР, так называлось.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Второй канал.

Владимир МАРКИН: Второй Российский канал. Вначале это было, когда начинались только рыночные отношения в России и люди не понимали терминологии элементарной. Первая программа она так в принципе и посвящалась вот основам, азам рыночной экономики. Потом ее преобразовали в ток-шоу, у меня в программе участвовали знаменитые люди, представители бизнеса, искусства, политики. И мы с ними просто говорили о том, как они достигли тех успехов в жизни, параллельно они принимали участие в различных конкурсах в студии. Но я вам скажу, что у меня покойные Жженов и Шаталов вместе с залом тянули канаты, например. Или рисовали какие-то шаржи, сочиняли буреме.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Я думаю, нам нужно придумать какой-нибудь для гостей, что-нибудь.

Владимир МАРКИН: Да, да.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Я думаю, прямо с Владимира Ивановича можем начать.

Владимир МАРКИН: Вы мне бросаете там два каких-нибудь слова, а я на них должен придумать рифму.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Поиграем в буриме обязательно. Когда вы работали в СМИ. Вообще, решение, которое принимает журналист, они же на самом деле очень интересные и очень важные по своим последствиям. Потому что то, что вы говорите в прямом эфире, то, что вы пишете. То, что вы делаете на телевидении, это огромное влияние на настроение и умы. Как здесь на вас давило или не давило, взвешивали вы каждое свое слово, или старались не думать о том, какое количество людей на вас смотрит или вас слушает?

Владимир МАРКИН: На радио или на телевидении, вы имеете в виду?

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Для вас это разные вещи? Вообще в работе в СМИ. Пока вы работали в СМИ.

Владимир МАРКИН: Нет, там разница значительная была. Если на радио действительно мой эфир, если я вел программу в прямом эфире, там действительно каждое слово, в отличие от сегодняшнего эфира, сегодня можно ошибиться, можно даже сказать неприличное слово, мы не говорим о не цензурных словах. Но есть.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Нам законом запрещено теперь.

Владимир МАРКИН: Да, сейчас стало построже. Было время, вы помните, наверное, на радио произносились такие слова, которые в жизни никогда не произносил. Так вот, тогда, если не дай бог, я в эфире просто ошибался, я еще не успевал доходить до своего кабинета, мне уже вызывал главный редактор и делал соответствующее внушение. Поэтому это было очень строго, действительно. Не считая того, что как вы помните, был главлит, так называемая цензура, которая, причем это цензура не в том смысле, о котором сейчас подумали. Это прежде всего касалось конечно же каких-то названий каких-либо предприятий, которые нельзя было произносить в контексте с чем-то, для того, чтобы там враги не услышали.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: А так темы вы сами выбирали себе?

Владимир МАРКИН: А темы, как правило выбирали. Понимаете, там даже не нужно было особенно как-то изощряться, темы были все общественно-политические. Вы знаете, как много писали.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Наверное, острые общественно-политические.

Владимир МАРКИН: И острые, кстати говоря, это же было начало перестройки, 86-й, 87-й годы, гласность. Это знаете как было, что там, мы такие вещи там творили.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Скучаете?

Владимир МАРКИН: По тем временам?

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: По тем вещам, которые творили в гласность?

Владимир МАРКИН: Ой, скучаю, Танечка, ой скучаю. Да нет, я не шучу конечно. Было просто интересно. Это как раз те самые времена, когда работалось так комфортно, что кроме того, что я вел там какие-то программы, еще параллельно писал какие-то интервью, делал репортажи, прямые включения, было очень интересно. Я вам скажу, что я пропадал на работе. Уходил утром, приезжал ночью. Было очень интересно.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Ну вот вы в принципе знаете как работает телевидение, как работают СМИ, при этом периодически как-то вступаете со СМИ в конфликты, понятно, что у вас такая работа, наверное теперь.

Владимир МАРКИН: Я в конфликты?

Ирина ВОРОБЬЕВА: Ну конечно. Телевидение работает не так, все цитируют не так, и вот нужно даже написать, поругать, колонку написать поругать. Вот вы же понимаете как это все работает. Вы же знаете как это работает.

Владимир МАРКИН: Нет, давайте здесь оговоримся.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Давайте.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Владимир МАРКИН: Во-первых, я никогда не критиковал журналистов, очень крайне редко. Та колонка, о которой вы говорите, она вообще, я еще раз повторяю, или специально меня перефразируют, или вынимают слова из контекста, или для чего это делается, не знаю, но я попытаюсь сейчас это объяснить. Я в этой последней крайней своей колонке в «Известиях» говорил не о журналистике как таковой. Я говорил о, даже о художественном вещании и опять в узком контексте этого слова. Просто есть сериалы, ну действительно треш, потому что сериалы, мы знаем как делаются. Хотите я вам расскажу как делаются сериалы, как пишутся сериалы сегодняшние? Я имею в виду, во всяком случае, на правоохранительную тему? Пишут их молодые ребята на Украине, снимается там же, или в Белоруссии, подешевле. Эти люди не то что не имеют представления о нашей правовой системе, они не имеют представления о нашей общественной жизни. И естественно, что они могут написать? Да, действительно, у них следователи и прокуроры бегают с пистолетами. Опера допрашивают обвиняемых в убийстве, и так далее. С этими прокурорами еще уборщицы со швабрами бегают догоняют убийц. Понимаете.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть вы возмущены просто некачественной фактурой.

Владимир МАРКИН: Непрофессионализмом и не качественным. Вот смотрите, если мы играем в шахматы, представьте себе, вот снимается сериал о шахматистах, и первое, с чего начинается, первый кадр, показана доска, тоже с клеточками, но на доске вместо шахмат шашки. Ну ладно бы.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: И играют в Чапаева.

Владимир МАРКИН: И играют в Чапаева, нормально? В примерно вот так. можно такую аналогию провести.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Слушайте, а если говорить вообще о колонках, тут у меня много сразу вопросов. Вообще, как вы выбираете тему? Как вы принимаете решение это? О ком написать? В каком тоне написать? Вы же наверное размышляете, задумываетесь, сомневаетесь.

Владимир МАРКИН: Каждая колонка это плод моих сомнений, размышлений, тревог, забот.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Кто-то значит вас тревожит больше?

Владимир МАРКИН: Не, кто-то или что-то.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Или кто-то или что-то. Про разное пишете.

Владимир МАРКИН: Что касается каких-то тем наших, касающихся непосредственно моего ведомства, непосредственно моей страны, нашей с вами страны, то, что болит у человека. Слава Богу, у меня есть такая возможность писать колонку. У кого нет возможности, они пишут в своих блогах, в интернете. Хотя тоже сегодня читается все. Но мне предложили написать колонку, потом предложили еще раз.

Ирина ВОРОБЬЕВА: А вы согласовывали с начальством, что вот вы будете писать колонку? Вообще в принципе, что вы будете колонистом в Известиях.

Владимир МАРКИН: А можно не выражаться.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Так согласовывали или нет?

Владимир МАРКИН: У нас взаимное доверие с руководством ведомства, с председателем Александром Ивановичем Бастрыкиным, потому что он доверяет мне то, что я делаю, и естественно, я не считаю стратегическим решение написать колонку и обязательно надо спрашивать. Другое дело, что конечно же это все-таки в этих колонках я отражаю не только свое мнение, я же конечно отражаю мнение ведомства.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Вот поэтому я вас и спрашиваю. Сейчас мы, давайте поставим небольшую паузу. У нас в эфире Владимир Маркин, и мы продолжим буквально через несколько минут. Говорить, продолжать говорить про те решения, которые наш гость принимал в своей жизни.

Итак, продолжается программа «Разбор полета». У нас в гостях официальный представитель Следственного комитета Российской Федерации Владимир Маркин.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Я все-таки хочу доздать свой вопрос по поводу того, как вы принимаете решение, что именно или кто именно вас в большей степени беспокоит, о чем написать. Потому что все-таки это очень серьезная площадка, на которой вы выступаете, и

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

понятно, что ваши колонки всегда привлекают внимание и всех журналистов. Потому что потом это каждый раз переделывается в новости. Как вы это решение принимаете?

Владимир МАРКИН: а можно вам задать встречный вопрос?

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Ну попробуйте.

Владимир МАРКИН: А скажите, почему они привлекают такое внимание?

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Потому что вы официальный представитель Следственного комитета, который в то же время в своей колонке выступает за рамки вот этих вот официальных объявлений, которые мы получаем в том числе на сайте Следственного комитета.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Рассуждаете о патриотизме, отвечая Суркову, отвечая Медведеву. То есть.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть про Навального или еще что-то. То есть темы, которые формально, мы не можем получить от вас комментариев, потому что есть официальное заявление следственного комитета. Вот строго в рамках этого официального заявления мы и работаем с СК как журналисты. А тут мы видим, что Владимир Маркин пишет статью, пишет колонку на актуальную тему какую-то, довольно пространную. Это не сухой язык официального заявления, вы это прекрасно понимаете, естественно, это вызывает интерес. Поэтому мне очень любопытно, как вы решаете, о чем писать?

Владимир МАРКИН: Вот вы фактически сами же, я не зря вам задал этот вопрос. Потому что вы сами ответили, это актуально. Значит, я не же не говорю на какие-то темы, которые никому не интересны. Вы что думаете, если любое, что напишет Маркин, все будут цитировать?

Ирина ВОРОБЬЕВА: Да. Вы напишите, что вы любите кораблики, а поверьте мне, кто-нибудь, обязательно, не важно, напишет, что Владимир Маркин.

Владимир МАРКИН: Вы преувеличиваете мою роль в истории.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Послушайте, за последние несколько месяцев вообще-то нет. потому что уровень цитируемости у вас очень высокий, и вас цитируют чаще, чем.

Владимир МАРКИН: Не надо произносить.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Я сейчас молчала вообще. Замолчала вовремя. Так как вы выбираете эти темы?

Владимир МАРКИН: Я, нет, вы знаете. Вот вы правильно сказали, вернее, я вас правильно навел на этот ответ. Действительно это все актуально, о чем я бы хотел сказать, это актуально в той или иной степени. Это первое. Второе, это действительно волнует нас на сегодняшний момент, то о чем мы говорим. Но а тот слог, которым я пишу, вы же понимаете, что писать иногда легче писать, чем говорить. Вот на радио, для того, чтобы работать на радио, можно вообще не уметь ни писать, ни читать. Правильно, говори себе и говори. Ну вот мы сегодня убрали все бумажки и будем говорить и все. Я шучу конечно, потому что обращаясь опять же к комментариям на моей колонке. Один из ваших постоянных авторов почему-то произносит те слова, которых я вообще не говорил. Я вообще не говорил слово о культуре в моей крайней колонке, почему то было произнесено слово культура. Вот я сделал вывод, то ли человек не умеет, писать может быть умеет, но читать может быть не умеет. Откуда увидел такое. Сегодня разговаривал тоже с одним человеком, который критически высказался на одном из порталов.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Максим Кононенко, он об этом в твиттере у себя написал. Все знаем уже.

Владимир МАРКИН: Да. Да. Хорошо. Я спросил, ты хоть читал саму колонку-то, честно? Не читал. Поэтому может быть от этого происходит внимание к моим колонкам, потому что люди просто увидели где-то комментарии к этим колонкам и начинают обсуждать именно комментарии, а не сам текст.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Хорошо, когда вы видите реакцию на ваши колонки, например, давайте возьмем текст про Суркова. Он же был подобно разорвавшейся бомбы в информационном пространстве. Все цитировали, все это обсуждали. Учитывая последующую отставку Суркову, это вообще приняло другой совершенно оборот. Вот когда вы видите расходящиеся круги по воде от вашего текста, вы в первую очередь на кого рассчитываете, когда эти тексты пишете. На нас, на журналистов, на людей, которые читают газету «Известия». На людей, которые сидят в Кремле, на ваше начальство, на не знаю, на другие ведомства, прокуратуру, полицию,

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

на кого? Вы к кому обращаетесь в первую очередь?

Владимир МАРКИН: Вы знаете, вы обратили внимание, что все наши ответы они как правило, не то что как правило, они всегда, исключительно всегда ответ на такое же публичное заявление. Ну если вы сказали, в данном случае, опять напомнили историю про скажем так, не будем произносить фамилии и имена, связанные со Сколково. Ведь это был всего на всего публичный ответ на публичную критику, не более и не менее. Потому что когда критикуют, и критикуют не предметно, не конкретно, а заявляют о том, что, вы вначале докажите, а потом будете говорить так громко. Поэтому пришлось также публично ответить.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Подождите, Владимир Иванович, согласитесь, что Следственный комитет критикуют довольно часто, разные люди разных, скажем так, должностей. Но вы же выбираете кому отвечать. Вы ответили Медведеву.

Владимир МАРКИН: Всем конечно я не могу ответить.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Вы ответили Медведеву, тогда, когда он прокомментировал за рамками эфира приход к Костомарову следователей в 8 утра. Вы ответили Дмитрию Анатольевичу, но при этом после этого почему-то комментарий пропал. Там какие решения были приняты? Вы приняли решение, надо отвечать, потому что нас называли плохим словом. Или, надо удалить комментарий, потому что это вот вызвало возмущение в Белом доме. Какие решения тогда были приняты?

Владимир МАРКИН: То, что надо было отвечать, было принять решение, но не скажу, что молниеносно, но...

Ирина ВОРОБЬЕВА: Вами лично?

Владимир МАРКИН: Ну считайте что мной лично. Потому что действительно, даже не от того, как это было сказано и кем это было сказано, а какой резонанс получило это высказывание. Несмотря на то, что оно было в общем-то сказано не для публичного восприятия, тем не менее, оно разошлось кругами не только в стране, но и по всему миру. Поэтому, поскольку это не соответствовало действительности, и следователи действительно не нарушали ни одной нормы закона, ни одной, поэтому это было действительно было сказано, очень странно слышать такие комментарии. И все. Ведь ничего обидного, ничего не было сказано. Не было

названо ни имени, ни места, как говорит, было именно то время, которое предопределяло, нужно было тогда сказать, позже, это уже не имело значения, раньше. Знаете, как говорят, завтра будет, поздно, вчера рано. Именно в тот день, в тот час.

Ирина ВОРОБЬЕВА: А удалили комментарий почему?

Владимир МАРКИН: Это чисто техническая была недоработка. А когда она удалилась, ставить снова было уже нелепо. Потому что на тот момент уже все агентства цитировали. И смысла не было.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть вы по-прежнему уверены в правильности того решения и той реакции?

Владимир МАРКИН: Я об этом сказал буквально на следующий день в своем небольшом комментарии для двух газет, «Известия» и «Коммерсантъ».

Ирина ВОРОБЬЕВА: Как вы вообще приняли решение работать там, где работаете сейчас? Как это было?

Владимир МАРКИН: Где я сейчас работаю в данный момент?

Ирина ВОРОБЬЕВА: Не в данную секунду

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Где за границами этой студии, в Следственном комитете, за границами этой редакции.

Владимир МАРКИН: Хорошо. За стенами этой замечательной студии.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Следственный комитет, как вы соединились друг с другом? это было сложное решение?

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Владимир МАРКИН: Вот здесь как раз, с одной стороны, оно конечно было неожиданным для меня предложением, предложение работать в Следственном комитете. Потому что, действительно, я на тот момент отметил свое 50-летие. И честно говоря, не ожидал, что в моей жизни будет такой резкий поворот. И когда мне такое предложение сделали, это был как раз тот самый случай, от предложения которого трудно было отказаться.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Вас Бастрыкин позвал?

Владимир МАРКИН: Да, меня пригласил лично Александр Иванович Бастрыкин. Мы пообщались. Один раз пообщались, я мог себе предположить, что таких как я может быть там не одна кандидатура, и со спокойной совестью ушел. Даже особенно не надеясь, что решение будет принято в мою пользу. Хотя, честно вам говорю, мне хотелось себя попробовать.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Именно вот на этой должности.

Владимир МАРКИН: Именно на этой должности. Хотя, я вам честно говорю, я даже не знал, не предполагал, какие сложности возникнут там, особенно на первоначальном этапе. Как, ну и в тоже время я даже предположить себе не мог, как будет интересно.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть получается, вам сделали предложение и вы для самого себя решение приняли довольно быстро. Потому что увидели в этом интересный вызов?

Владимир МАРКИН: Да, мне вообще интересно, я уже вам говорил, бросать себе, прежде всего вызов. И в данном случае это был очередной вызов, причем, как вы понимаете, не в юношеские годы.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: А вы не советуетесь ни с кем, например, в вопросе такого резкого поворота в карьере все-таки как-то там реакция семьи для вас важна или нет?

Владимир МАРКИН: Несомненно, важна реакция семьи. Но в данной ситуации конечно, вот как раз тот самый случай, когда от принятия решения мной лично зависит судьба и других людей, прежде всего близких мне, это семьи. Но в данном случае, моя семья полностью доверяет, и в конце концов, решение принимать мне, мужчине. Поэтому было принято решение. Мы посоветовались и я решил.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Ирина ВОРОБЬЕВА: Если говорить о семье, у вас все-таки должность такая публичная, очень много, часто и много связано со скандальными уголовными делами. И понятно, что вы лицо, голос, Следственного комитета.

Владимир МАРКИН: Там еще говорят рупор.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Да, и я не удивлюсь.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Теперь еще и перо.

Владимир МАРКИН: да.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Я не удивлюсь, если некоторые люди даже не знаю как выглядит Александр Бастрыкин, зато точно знают как выглядите вы. Как семья ваша на вашу работу реагирует? Не знаю, одобряют все, что вы делаете или с опасениями относятся к этому?

Владимир МАРКИН: Честно скажу, у меня очень скромная семья. И во всяком случае могу сказать, что они, особо не радуются этой публичности моей. Их, наверное, скорее всего она отягощает в большей степени. Потому что публичность она конечно предполагает и определенную долю неудобств. Потому что, выйти где-то в публику просто в общественное такое заведение, где ты просто хочешь оказаться один на один со своими мыслями, и просто побыть с семьей, конечно иногда это напрягает. Но не столько меня, сколько семью. Но во всяком случае, ну я даже не знаю, мне кажется, что это нормально.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Слушайте, мне очень интересно, я прошу прощение, вот это немножко не связано с решением. Мне очень хочется понять, ваши друзья, вот ваши друзья, с которыми вы дружите, они после того, как вы стали работать в Следственном комитете, не начали бояться с вами разговаривать, там как-то вам доверять? Или еще что-то?

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Или наоборот, стали вам доверять?

Ирина ВОРОБЬЕВА: Или наоборот, как-то так. Я законопослушный гражданин.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Владимир МАРКИН: Или наоборот, каждый день я получаю сообщения о преступлениях друзей.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Вот как, правда?

Владимир МАРКИН: Да нет, поверьте, ничего абсолютно не изменилось в отношении с моими друзьями, во всяком случае, я те друзья, с которыми я дружил и 20 лет назад, и там 30 лет назад, вот недавно был в Челябинске, в своем родном городе, встречался там с одноклассниками. С теми ребятами, с которыми я еще вот бегал играл в футбол, хоккей, абсолютно никаких изменений. Я, вот я не знаю, кто меня знают, они могут подтвердить, я не изменился ни на йоту. Я как был вот как меня называли, кто как называл.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Как вас называли.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Заинтриговали.

Владимир МАРКИН: По-разному, кто-то Володей, кто-то Вова, Вовка.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: А прозвище у вас было какой-нибудь студенческое.

Владимир МАРКИН: У меня по фамилии. В детстве мы играли в футбол, два двора играли, потом мы объединились и играли на клуб Кожаный мяч, объединились и стали чуть ли не чемпионами России. Так у нас был двор Гера, такой авторитетный товарищ, двор Маркина. Мой двор.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Вы двор держали целый в страхе.

Владимир МАРКИН: Не в страхе, просто в футбол играл может быть лучше, или в хоккей. Поэтому был какой-то авторитет, основанный на спорте, может быть. Поэтому сейчас приезжаю, помнят. Может быть меня ценят не за то, что каким я сейчас стал, а за то, каким я был. Поэтому со всеми друзьями и студенческими, и друзьями школы, и друзья, которые были до поступления на работу в Следственный комитет, они абсолютно меня знают таким, каким я

был до этого.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Если говорить про ваши профессиональные решения. Насколько Следственный комитет позволяет быть самостоятельным и независимым в своих решениях? Потому что все-таки такая сфера сложная.

Владимир МАРКИН: Естественно, конечно, есть очень много ограничений. Но они, прежде всего, наверное, на какой-то мой внутренний моральный тормоз прежде всего. Потому что то, чего может позволить себе независимый журналист, не могу я себе позволить даже как колонист, как вы говорите. Потому что вы думаете то, о чем я пишу, это предел моих мечтаний? Если бы у меня была возможность, если вот я завтра поменяюсь с вами столами. Вы сядете на мое место, а я сяду на ваше, ох какие вопросы я вам буду задавать.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: А какие темы предел ваших мечтаний? О чем бы вы хотели в первую очередь написать?

Владимир МАРКИН: Да нет, не пугайтесь.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Я не пугаюсь, мне очень интересно.

Владимир МАРКИН: Дело касается опять же, нас пытаются иногда вовлечь, вывести на какие-то политические линии пути, еще раз повторяю, меньше всего меня в этой жизни волнует политика.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: А вы же избирались, по-моему, даже.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Да, вы в праймериз участвовали.

Владимир МАРКИН: Это был определенный опять же вызов, попытка понять, мое это или не мое. Я вам честно скажу. Это было мое решение. Вернее, мне предложили, я согласился. Но после того, как поучаствовал в одном.

Ирина ВОРОБЬЕВА: в праймериз.

Владимир МАРКИН: В одном праймериз, приехал, выпустил, и после этого понял, что это далеко не мое, мне не интересно это дело.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: То есть когда вы даете интервью, или пишете там, условно, про Алексея Навального, потому что тоже была такая очень эмоциональная статья, для вас это не политическая история.

Владимир МАРКИН: Еще раз повторяю, у нас сегодня, адаптация моих текстов.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Это необходимо, Владимир Иванович. Видите, если не понятно.

Владимир МАРКИН: Еще раз говорю, опять же, буквально все тексты, которые я напечатал, в виде интервью, в виде колонок, они тем или иным образом комментаторами, экспертами, политологами трансформировались в то, понимаете, когда мне наплевать, какой вопрос вы мне зададите. А вам наплевать какой ответ я вам дам. Вот в этой ситуации была такая же история. Вот я пишу, и некоторым комментаторам вообще все равно, что я написал. Они уже сразу видят то, что они хотят видеть. Я политику, я наоборот, в своем интервью наоборот говорил, что никакой политики.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Подождите, Владимир Иванович, вы же, как можно еще понять слова, когда вы говорите, что борьбой с коррупцией можно заниматься и из тюрьмы, согласитесь.

Владимир МАРКИН: Еще раз повторяю, это конечно же черный юмор, который, действительно был излишним. Это был черный юмор. Больше такого не будет.

Ирина ВОРОБЬЕВА: А на сколько, кстати говоря, приходится принимать.

Владимир МАРКИН: Еще раз повторю, я никому никогда не пожелаю ни тюрьмы, ни сумы.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Насколько приходится принимать решения, например, смолчать, когда

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

вот люди говорят, Следственный комитет то, Следственный комитет это, Маркин то, Маркин это.

Владимир МАРКИН: Вы знаете, сколько мы молчим? Вы же цитируете то, что мы говорим. Если бы вы процитировали наше молчание.

Ирина ВОРОБЬЕВА: А как вы принимаете решение, молчать или не молчать? Вот молчат или не молчать? Как вы принимаете это решение?

Владимир МАРКИН: Это в разных случаях по-разному. В некоторых случаях того требуют интересы дела.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Например, это понятно.

Владимир МАРКИН: Когда, даже если там оппоненты, адвокаты пытаются нас расшатать и чтобы мы что-то сказали, бывает и такое, кстати, между прочим, прием. Узнать, что мы знаем. Понимаете, есть такой прием, когда пытаются нас спровоцировать на какую-либо информацию. И очень часто по молодости, когда я начинал, я очень часто приходил, и говорил, дайте нам комментарии, дайте информацию. А потом понимал, что нас провоцируют на такой ответ. Поэтому очень часто мы молчим, а потом даже, ну глупо каждый раз отвечать. Поэтому мы отвечаем точно.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Смотрите, комментарии Следственного комитета это в основном комментарии об уголовных делах, то есть о тех людях, которые обвиняют в преступлении, или ищутся по подозрению. То есть это так или иначе жизнь и судьбы людей. Вот вы когда, я понимаю, что политические дела это малый процент из того, чем занимается Следственный комитет, тем не менее.

Владимир МАРКИН: У нас нет политических дел, я еще раз повторяю.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Хорошо. Как вы их называете, я даже не знаю, дела, там Болотное дело, дело Навального. Понятно, что...

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Владимир МАРКИН: Обычные уголовные дела.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Хорошо, обычные уголовные дела, которые связаны с некими политическими событиями или людьми из политики.

Владимир МАРКИН: Для вас они необычные, но это уголовные дела, которые прописаны в уголовном кодексе, статьи Уголовного кодекса у нас же нет.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Понятно, что у вас нет политической статьи, но мы же с вами, вы же понимаете о чем я говорю, вот о событиях, которые там, или политический подтекст, или люди, которые так или иначе занимаются политикой ну и так далее. Когда вот именно на эти тему вы пишете или даете комментарии, или решаете не давать комментарий, вы вообще имеете же свое собственное мнение на тему вот этих всех уголовных дел? Ни как официального представителя Следственного комитета, а как Владимира Ивановича Маркина. Вот насколько оно это мнение лично отражается в том, что в результате выходит в комментариях.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: В официальном заявлении.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Когда не про убийство идет речь, не про убийство, когда по таким делам.

Владимир МАРКИН: Во-первых, я кстати, если вы обратили внимание, крайне редко даю такие комментарии.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Все, что выходит на сайте Следственного комитета, мы считаем вашим комментарием.

Владимир МАРКИН: На сайте выходит, на сайте, вы видели в последнее время, проходит просто обычная информация о том, что завершен тот или иной этап расследования, предъявлены обвинения.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Но иногда какие-то комментарии бывают, довольно редко.

Владимир МАРКИН: Крайне редко. Именно в силу того, что у нас такое правило, если дело передается в суд, вот мы констатируем факт, дело передали в суд и теперь только суд определит, почему мы вот с господином Навальным дали такое интервью перед судом. Дали, и все, после этого мы ни слова, хотя меня провоцировали на разных программах прокомментировать что-либо по этому поводу, как вы помните, я отказывался. Я отказываться буду до того, пока не будет завершен суд. Как бы он не завершился. Еще раз повторяю, только суд определяет степень вины того или иного подсудимого. Что касается других там комментариев по другим делам, есть конечно отношение, не секрет, что я консерватор, государственник. Естественно, я могу сказать, что, что мне вам объяснять, наверное не одно государство не бывает совершенным. Но я могу точно сказать, что там не одно государство, каким бы оно там не было формации, не может сделать нас всех счастливыми одинаково. Правильно? Ну если не будет и такого государства, и будет какое-то, не дай бог, в любой стране, мы видим с вами, наблюдаем что творится в Египте, там что творится в Сирии или где-либо. И кто там сейчас счастливый? Посмотрите, есть там счастливые люди сейчас?

Ирина ВОРОБЬЕВА: То есть счастье для всех, пусть никто не уйдет обиженным? Вот так вот. Вызывают.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Я надеюсь не господин Бастрыкин.

Владимир МАРКИН: Вот видите, уже первый звонок.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Нашего гостя вызывают. Подождите, 2 минуты эфира осталось. Еще 2 минуты потерпите.

Владимир МАРКИН: Как раз, между прочим, звонок ведь не просто так, дежурный звонок.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Давайте 2 минуты он потерпит. Мы сейчас закончим

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Через 2 минуты мы вас отдадим дежурному.

Ирина ВОРОБЬЕВА: короткий вопрос, как вы приняли решение, зачем вы завели твиттер?

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Владимир МАРКИН: Между прочим, твиттер это еще один источник связи с простым народом. Потому что те, кто не могут обратиться тем или иным образом в Следственный комитет, со своими проблемами, с жалобами. Это еще один источник связи с нами, с людьми.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: И это работающая обратная связь?

Владимир МАРКИН: Абсолютно.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: И вы отвечаете, и что-то идет потом в работу?

Ирина ВОРОБЬЕВА: А как вы принимаете решение, кому отвечать, а кому не отвечать?

Владимир МАРКИН: Во-первых, публично отвечать или не отвечать, это соответственно, вы знаете, там разные люди пишут. Иногда мы просто смотрим, что на публичное не стоит отвечать, человек немножко с отклонениями, бывает и такое.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Понятно.

Владимир МАРКИН: Но когда люди обращаются, и это видно, что люди жалуются, крик о помощи, мы как правило. Я как правило пишу туда, где можно, туда, куда можно свою жалобу направить, люди отправляют жалобу и отправляют в соответствующие инстанции, которые принимают решение по проведению проверки. Я вам скажу, по некоторым вот таким обращениям у нас возбуждены уголовные дела. И я призываю всех, если у кого есть какие проблемы, пишите в мой твиттер, мы обязательно ответим. Не только ответим, но если ваша жалоба, ваши претензии обоснованы, не важно в отношении кого, будут приниматься решения, в том числе и процессуальные.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Последний вопрос традиционный в нашей программе. Над каким решением вы сомневаетесь сейчас?

Владимир МАРКИН: Над каким решением? Уходить из вашей студии или мне остаться еще.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Вам же дежурный звонит.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Владимир МАРКИН: Я сейчас ему отвечу и останусь. У вас есть еще часок.

Ирина ВОРОБЬЕВА: У нас всегда есть часок. Конечно. Только вы поговорите в эфире.

Владимир МАРКИН: Как-то без энтузиазма ответили мне.

Ирина ВОРОБЬЕВА: Нет, у нас еще очень много вопросов, мы вас будем ждать в этой студии еще раз. Спасибо большое.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Спасибо. Владимир Маркин, официальный представитель Следственного комитета был в программе «Разбор полета». Эфир для вас вели Татьяна Фельгенгауэр и Ирина Воробьева. Большое спасибо всем.

Ирина ВОРОБЬЕВА: счастливо.

Татьяна ФЕЛЬГЕНГАУЭР: Счастливо.

Владимир МАРКИН: Спасибо. До свидания.

02 Июля 2013

Адрес страницы: <https://sledcom.ru/press/interview/item/507927>